

Владимир ГУГА

Владимир Гуга родился в 1972 году в Москве. Закончил музыкальное училище им. С.С. Прокофьева и Литературный институт им. А.М. Горького. Сменил несколько десятков профессий и мест работы. В данный момент pr/event-менеджер Чеховского культурного центра московской Библиотеки им. А.П. Чехова. Автор книг «Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая» (2016), сборника рассказов «Мама нас точно убьет» (2019). Публикации в изданиях: «Огонёк», «Урал», «Дружба народов», «Журнал Бориса Стругацкого “Полдень XXI век”», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Топос», «Luterrатура», «Формаслов» и др.

РАССКАЗЫ

На ободах

Я – водитель старой облупленной маршрутки ГАЗ-2217 «Соболь». Мой транспорт похож на таз с отбитой эмалью. Я отлично помню волшебный звук, который издает такой таз, падая на кафель общественной бани, – он долго и пронзительно дребезжит, попрыгивая на полу.

Дно моей маршрутки местами проедено коррозией. Так что во время движения здесь можно наблюдать сквозь дыры серую ленту асфальта или рябь гравия. Для этого надо вытащить из дыр промасленные тряпки. Когда я переключаю передачи, корпус маршрутки вибрирует, движок угрожающе тарыхтит.

Выдвижная дверь закрывается сильным ударом. Но не до конца. Поэтому во время движения дверь мелко-мелко постукивает.

В Москве уже почти не осталось таких облезлых, пропахших бензином и выхлопом пузатых реликтов. Но если вы минуете МКАД и притормозите около какого-нибудь крупного торгового центра или так называемого «транспортного узла», то увидите ... Вот они стоят с большими черными номерами маршрутов на боковых и лобовых стеклах, с обязательным иконным триптихом на панели управления или чётками, свисающими с солнцезащитного козырька. Давно я катаюсь на своей маршрутке. Пейзаж за окнами прекрасен в своей унылости: бетонные заборы, полупромышленные здания, высоковольтные вышки, толстые, похожие на гигантские шахматные ладьи трубы ТЭЦ, объекты «Мойка» и «Гранитные памятники».

Баллоны на двух моих колесах пробиты. Поэтому я еду на ободах. Медленно, но кое-как еду. Пассажиры заходят и выходят.

«Около поворотика, будьте любезны», – говорят одни.

«Шеф! Ну я же просил за остановкой!» – орут другие.

«Недавно вошедшие за проезд передаем», – говорю я.

Пытаюсь сделать свой голос грозным, но плохо получается.

Чем дольше пассажир находится в салоне, тем труднее с ним расставаться. Есть в салоне некоторое количество лиц, с которыми я еду очень, очень, очень давно. Я надеюсь, что выйду из маршрутки раньше них. А есть такие, которые выходят, не успев зайти. Спрашивается, зачем садились? Бывает, что я кого-то сам не беру, несмотря на их взмахи руками. Ну их! Подозрительные какие-то.

Иногда на встречной полосе возникает такая же раздолбанная маршрутка с пассажирами. Тогда я кошусь на водителя. Обычно это потёртый жизнью мужик. Чаше всего нерусский. Усы, кепка, жилет с карманами. Раз – и исчез! Он едет назад, а я – вперед. А может быть, он – вперёд, а я – назад. У каждого – своё понимание направления

движения, потому что никакого «впереди» и «позади» нету. Есть только сейчас и здесь, которое есть всегда и везде. К сожалению, или к счастью, это невозможно осознать.

Ответ Андрею Чемоданову на его реплику «Я не понимаю, как пишут прозу!»

Дяде седому так просто
Девчонки уже не дают:
Тёти пикантного возраста
ждут его, ждут его, ждут...

А что же тогда делать дедушке?

Блядь! Вопрос сам по себе настолько кошмарен, что непонятно, как продолжить стихотворение. Лучше бы я его не начинал. Любое продолжение будет выглядеть фальшиво и натянуто. А написать что-то очень хочется. Тема-то архиважная. Я, вот, в четырнадцать лет пять раз посмотрел фильм «Новые амазонки». Меня одного из всего класса пускали на этот фильм, потому что в четырнадцать я выглядел на семнадцать. Помню, перед началом второго просмотра ко мне начали приставать две взрослые тёти. Ну как приставать? Просто они сидели рядом со мной и задавали всякие вопросы, типа, а почему ты один пришёл в кино, мальчик? А знают ли твои родители, на какие фильмы ты ходишь? А есть ли у тебя девушка? Задавая вопросы, они хихикали.

Когда в зале стало смеркаться, женщины отсыпали мне пригоршню сосательных конфет «Театральная». Начался фильм. Я сосал конфеты, нюхал ароматы тёть и ждал, когда на экране появятся сиси. Вообще, этот фильм хорош и без сись. Это такая очень печальная история любви. Хотя, и хэппи-энд в нём имеется, и вроде, комедия, но всё-таки грустный фильм, грустный. Один только эпиграф к нему чего стоит: «Завтра – это сегодня, только завтра». Слова некоего Славомира Мрожека. От этого эпиграфа у меня до сих пор что-то там по спине бежит. Но особенно грустным его делает музыка композитора Хенрика Кузняка.

Вернувшись домой после второго просмотра «Новых амазонок», я зачем-то рассказал бабушке про беседу с незнакомыми тётями.

«Старые суки», – вынесла свой вердикт бабуля, выслушав меня.

Но почему я вдруг вспомнил этот случай? А хрен его знает. Наверное, чтобы отвлечь от неудачно начатого неудачного стихотворения. Оно никогда не будет дописано.

Поэт Чемоданов однажды изрек, что процесс создания стихов должен напоминать вытягивание из заднего прохода гирлянды хорошо смазанных анальных шариков. Лучше не скажешь! Как видите, это сравнение в отношении прозы тоже уместно.

Единая Россия

Одному моему знакомому несказанно повезло. Мало того, что его пригласили на Форум молодых писателей в пансионат «Липки», так его еще заселили в двухместный номер с красивой молодой писательницей... Якобы. Во всяком случае, он рассказывал об этом инциденте без тени сомнения и смущения. «Просто мест не осталось, – объяснял он. – Ошиблись в расчетах».

Мне тоже в Липках повезло: я увидел там уникальное природное явление. Случилось это в продуктовом магазинчике, расположенном неподалеку от лучей-корпусов здания «Липок». В этой маленькой лавочке продавали всё подряд: крупы, конфеты, консервы, лимонад, сигареты, колбасу. Ну и алкоголь, конечно. В общем, целый супермаркет уместился в этом классическом сельпо. Распоряжалась в лавочке боевитая

продавщица – невысокая, коренастая, языкастая. В тот день около прилавка топталась очередь мужиков. Покупатели в основном молчали. Или чуть слышно переговаривались.

Очередь медленно, словно голодный питон, ползла к своей добыче. Мне показалось, что я оказался в очень необычной компании. Хотя, вроде, очередь как очередь: стандартные, простые мужики пригородного типа в кепках, приталенных куртках, спортивных штанах. Присмотрелся к коллегам и с удивлением обнаружил, что многие мужики, стоящие за водкой – молодые писатели с Форума. «Ничего себе, – опешил я, – вместо того, чтобы слушать лекции Радзинского, Аксёнова, Ямбурга и Маканина, они оказываются... Вот те на...»

Но сильнее всего меня поразило, что между мужиками, съехавшимися в «Липки» со всей страны, занимающей половину глобуса, простирающейся от рассвета до заката, не наблюдалось никаких различий. Казалось, что все они приковыляли из ближайших покосившихся домиков. Казалось, что все мы проживаем здесь, на звенигородской земле.

Тут ко мне подошел полужнакомый молодой писатель и сказал:

– Вова, можно я с тобой встану? А то очередь длинная...

– Валяй, – ответил я.

Он пристроился передо мной. Никто из стояльцев не возмутился.

– Видишь, – тихо сказал я, – перед нами вся Россия выстроилась. Тут тебе и Ангарск, и Сахалин, и Петрозаводск, и Питер, и Екатеринбург, и Ижевск, и Оренбург. Короче вся Российская Федерация в одной лавочке.

– Единая Россия, – подтвердил мое умозаключение полужнакомый полумолодой писатель.

– Россия едина – она непобедима! – вдруг отозвался стоящий за нами поэт.

Мы взяли по бутылке водки, какой-то нехитрой закуски и двинули обратно к зданию пансионата, напоминающему своей архитектурой веселую детскую вертушку на палочке.

Инициация

Я познал женщину в тридцать пять лет. Случилось это так. Возвращаясь из магазина со здоровенными сумками, я встретил около лифта полную незнакомку средних лет с двумя детьми и целой горой клетчатых баулов. Каждый баул был перетянут матовым скотчем. Я, разумеется, помог женщине загрузить тяжелые тюки в кабину лифта. Они заняли фактически всё пространство от пола до потолка. Для пассажиров оставался крохотный пятячок свободного пространства у самых дверей.

Женщина подняла руку, чтобы нажать на нужную кнопку, но в последний момент остановила палец:

– А вы почему не заходите?

– Потому что мы обязательно застрянем, – ответил я. – Лифт перегружен.

– Да бросьте вы! – решительно возразила незнакомка, – Заходите, пожалейте своё время!

– Да, не... – промямлил я. – Лучше уж подожду. В правилах эксплуатации написано – не более четырёхсот килограмм. А во мне – около девяноста. Плюс сумки десять кило, не меньше. Итого сто. И ваш груз неизвестно сколько весит.

– Уж очень вы нерешительный, – кокетливо заметила незнакомка. – Ничего не случится, не бойтесь.

Затем она схватила меня за руку и втянула в лифт. Дети отправились на нужный этаж пешком.

Между четвёртым и пятым этажами лифт, издав какой-то мученический стон, остановился. В кабине погас свет.

– Зачем вы сели в лифт? – отчаянно закричала женщина. – Вы же знали, что он застрянет!

– Ну, вы же настояли... – пролепетал я.

– Что значит настояла? – наступала дама. – У вас что, своей головы нет?

Я не знал, что ответить на этот вопрос и просто замолчал, понимая, что в моей жизни произошло важнейшее событие – я окончательно познал Женщину, то есть её истинные суть и сущность.

Минуты через три после остановки лифта к внешним дверям кабины подошли дети моей попутчицы – мальчик и девочка.

– Мама, – всхлипнула девочка, прижавшись глазом к междверному просвету. – А что нам теперь делать?

Женщина достала из кармана большую связку ключей и, протянув её мне, заявила:

– Раздвиньте пошире щель и просуньте в неё ключи.

– Почему я?

– Потому что у вас сильные и длинные руки, и, вообще, вы – мужчина.

– Я не буду этого делать.

С лестницы донёсся зов моей престарелой бабули, которой я как раз нёс запасы продовольствия и всякие хозяйственные мелочи. Взмолвленная долгим отсутствием внука (кроме магазина «Копейка» я еще заглянул в магазин «Кристалл»), она отправилась на его поиски.

– Вова, где ты?

– Я в лифте, бабушка, не волнуйся. Скоро приедут мастера и вытащат нас отсюда.

– А с кем ты там? – настороженно спросила бабушка.

– Не знаю, с какой-то женщиной.

«Какая-то женщина» усмехнулась:

– Бабушка... Надо же... Вы уже сам как дедушка. Вон, вся голова седая.

– Не ваше дело.

– Передайте, пожалуйста, моим детям ключи.

– Я не стану этого делать, – повторил я, – потому что ключи могут улететь в шахту, и тогда вы вообще домой не попадёте.

– Не улетят, не бойтесь! – наступала дама. – Чего вы такой осторожный?

Любой женщине известно о способности мужчины многократно наступать на одни и те же грабли, ну, а мне, к счастью, известно о том, что женщине это известно.

– Немедленно уберите ключи и не приставайте ко мне со своими нелепыми идеями, – рявкнул я. – Хватит. Возьмите себя в руки и ждите приезда специалистов.

Я повернулся к попутчице спиной и включил тетрис на своём телефоне.

– Вова! – снова раздался с лестницы голос моей бабушки. – Ты где?

В свои восемьдесят четыре бабуля быстро забывала то, что произошло несколько минут назад, зато хорошо помнила события довоенной давности.

Старая зелёная сумка

Прах бабушки я забирал в конторке около огромного кладбища на окраине Москвы.

– Без справки о захоронении мы прахи не выдаём, – сказала служащая, безликая тётка в синем халате. – У вас есть захоронение?

– У меня пока еще нет захоронения, то есть я еще не похоронен, – ответил я машинально.

Тётка бросила на меня ословелый взгляд.

– Вы должны предъявить справку с печатью, что у вас есть место на кладбище для захоронения праха. Иначе мы вам ничего не отдадим.

И я поехал на другое гигантское кладбище за необходимой справкой. Кладбища эти располагаются в диаметрально противоположных окраинах мегаполиса, так что дорога у меня отняла почти два часа. По пути я пытался понять смысл требования у меня справки с места захоронения. Если прах токсичен и его действительно требуется закапывать в землю на определенную глубину, то одной справки для контроля правильного захоронения явно недостаточно. Тут необходимы дополнительные меры, которые не позволили бы мне развеять прах на скалистом берегу бескрайнего океана или поставить урну в сервант рядом с кубком победителя всесоюзной юношеской спартакиады. А может быть, власти блюдут посконные традиции захоронений – только в землю, только на кладбище? Но в этом случае справка тоже не поможет. Нужны дополнительные меры контроля. Например, сопровождение вооруженного наблюдателя. А то откуда они узнают, что я сделаю с прахом после получения?

В администрации моего «родного» кладбища круглолицый, похожий на Колобка сотрудник заявил мне:

– Чтобы получить справку о наличии места для захоронения, вам необходимо заказать землекопа.

– Что значит заказать?

– Вы должны оплатить работу сотрудника, который выроет вам яму. Оплата в кассе, вон там.

– Зачем мне землекоп, если я сам в силах закопать урну? Лопатой, слава богу, я пользоваться умею.

Колобок страдальчески сморщился и заявил:

– Существуют правила.

– Внутренние?

Колобок стукнул ручкой по столу и уставился в окно.

– Молодой человек, вы хотите захоронить прах своей бабушки?

– Хочу. Но я не собираюсь заказывать землекопа. Я не хочу, чтобы мне кто-то вырыл яму.

«При желании, – подумал я, – у меня хватит сил закопать и тебя вместе с твоей конторой».

– Вам точно не нужен землекоп?

– Точно.

– Тогда распишитесь здесь.

Я поставил свою закорючку в какой-то огромной учетной книге.

– Хорошо. Но оплатить работу землекопа всё равно придётся. Без кассового чека оплаты его работы у нас справки для получения праха не выдаются. Да! И еще вы обязаны заказать металлический трафарет для временного обозначения могилы.

Временное обозначение могилы я тоже мог смастерить сам из палки и картонки, но дискутировать на эту тему с утомленным Колобком я уже не желал: меня вся эта кладбищенская канитель тоже порядком утомила.

Оплатив всё, что требовалось, я покинул администрацию. Около входа ко мне подошёл осунувшийся, взъерошенный тип неопределенного возраста и, щедро обдав перегаром, спросил:

– Могила не нужна?

– То есть? – опешил я

– Продаю родительскую могилу. Деньги очень нужны. Всё по чесноку. Документы в порядке. То-сё...Переделаем, никто не докопается. Недорого.

Я молча отвернулся и пошёл к автобусной остановке.

На следующий день я вновь предстал перед Колобком. Теперь у меня в руках болталась зелёная хозяйственная сумка из плащевки. В сумке лежала урна с моей бабушкой.

- Здравствуйте. Я пришел, – сообщил я.
- Служащие администрации подняли головы.
- И? – спросил Колобок.
- Где ваш землекоп, которого я заказал.

Колобок открыл свою толстую книгу и принялся водить по строчкам обратной стороной карандаша.

– Подождите! – сказал он. – Вы же отказались заказывать землекопа... Ну, да... Вот, вчера. Я помню. Чего же вы теперь хотите?

- Но я же оплатил его, то есть землекопа.

Неожиданно в беседу встряла женщина в тяжелом макияже и янтарной мишуре.

– Молодой человек! Вы издеваетесь? Что вы мешаете работать? Вы понимаете, где, вообще, находитесь? То одно, то другое! Когда вы, наконец, успокоитесь-то?

– Подожди, Наташа, – мягко осадил свою коллегу Колобок и вкрадчиво сообщил мне: – У нас все землекопы расписаны буквально по минутам. Вы вчера отказались от своего, и мы его отправили на другой участок. Но если вам так уж нужен новый землекоп, вы можете его заказать. Где находится касса, вы знаете.

Я шёл к знакомому участку. В левой руке я нёс взятую напрокат лопату, в правой – зелёную сумку с бабушкой. С этой сумкой моя бабушка когда-то ходила в булочную, в гастроном, в овощной. Сумка оказалась на редкость крепкой. Бабушка её сама сшила, раздербанив старый гэдээровский плащ, привезенный дедушкой из гастрольной поездки. Сколько себя помню, столько сумка висела на своем законном крючке в прихожей. Зимой я иногда катался на ней с ледяной горы – сумка очень хорошо скользила.

По дороге я заглянул в продуктовую лавочку, забитую дошираком, тушенкой, бутылками с газированной водой и конфетами.

- Водка есть? – тихо спросил я.

– Продажа алкогольных напитков на кладбище запрещена, – ответил смуглый продавец.

- Ну, чё вы... – я заискивающе ухмыльнулся.

Пол литра «Праздничной», полтора литра «Дюшеса», плавленый сыр «Президент» прекрасно уместились в старой зелёной сумке рядом с бабушкой. За пятьдесят лет службы на сумке не образовалось ни единой дырки. И ручки её ни разу не оторвались – хоть кирпичи таскай.

См. выше

Я летел из Амстердама в Москву и смотрел в иллюминатор. По стеклу медленно ползла муха. Куда её несло? Неизвестно.

Один шажок мухи относительно раскинувшихся за бортом просторов равнялся, наверное, десятку километров. Топ-топ – преодолён горный перевал, топ-топ – форсирована речка, топ-топ – позади озеро, топ-топ – пройдена бескрайняя пашня. Понимала ли муха, что с ней происходит? Откуда мне знать. Может быть, она специально, как говорится, «села» в самолет, чтобы смотаться из Амстердама в Москву по своим делам. Также не исключено, что муха просто жила в салоне лайнера. Но как бы там ни было, эта муха неслась с сумасшедшей скоростью в столицу Российской Федерации из столицы Нидерландов. И она вряд ли осознавала сложность конструкции самолета, важность таможенной службы, масштабность земель, раскинувшихся за бортом.

Пока я следил за передвижениями мухи, кто-то там, наверху, смотрел на меня своими фасеточными глазами и в свою очередь меланхолично размышлял: «Чё этот дурак ползает там по своему иллюминатору, даже не задумываясь о том, на какой высоте он

находится, с какой скоростью и куда несется. Небось, он случайно попал в наш транспорт?»

А кто-то еще выше смотрел на того, кто смотрел на меня, смотрящего на муху и думал... (см. выше)».

От этих мыслей повеяло неприятным холодком. Чтобы отвлечься от них я снова присосался к вискарю, купленному в Duty free. От качественного бухла качественно всадило.

Неожиданно пейзаж за окном закрыли непроглядные облака, а ледяные мысли рассекла рельефная блондинка мини, идущая по салону.

Бу-бу-бу-бу

Я брал интервью у какого-то важного кренделя, то ли у заместителя директора металлургического комбината, то ли у вице-президента международной энергетической компании. На мне был деловой костюм, в котором я себя чувствовал как хер в тисках. Важнарь что-то там гудел: «...бу-бу-бу... развитие... бу-бу-бу... логистика... бу-бу-бу... продвижение...». Я в этих телегах ничего не понимал. И не понимаю. Мне платили не за понимание, а за трудовые часы. Я сидел на окладе. А когда ты на окладе, голову, как известно, можно не включать. Однако, башка, сука, так устроена, что должна всё время что-то думать. Или читать, или смотреть на тёлочку, или слушать музыку, или нюхать цветы. Знал я одного человека, который умел отключаться полностью. Я видел, как он сидел на одной высочайшей государственной конференции и тупо глядел на докладчиков, не моргая и не шевелясь. Два с половиной часа. Как гранитная статуя. И вышел из анабиоза, лишь когда нас пригласили на фуршет. Гениальный журналист. Профи. Я так не умею. Мне еще учиться и учиться...

А мой визави всё зудел: «... рефинансирование... бу-бу-бу... активы... бу-бу-бу... кадровая политика... бу-бу-бу, бу-бу-бу...».

Чтобы не отрубиться, я попробовал думать о бухле и бабах. Но не зацепило. Как назло, моя голова неожиданно вспомнила очень смешной случай. Он произошел несколько лет назад. Я тогда работал копирайтером в одной крупной торговой компании. Мы, сотрудники креативного отдела, пыхтели над созданием то ли рекламного буклета, то ли каталога. Приближался так называемый «дэдлайн». Когда наше напряжение дошло до критической точки, тишину в зале, набитом креативными сотрудниками, нарушил громкий треск и басовитое «Бля-я-я-я!». Затем последовал глухой удар. Я оторвался от своего монитора и увидел, что над столом всеми любимого старшего дизайнера Бориса Петровича вместо торса работника торчат ноги. Как это? Что за неожиданный цирковой кульбит? Петрович, такой важный и рассудительный человек, солидный специалист, эрудит, доцент художественного вуза, обладатель седобородой сократовской внешности – и вдруг...

«Ебанная офисная мебель! – зарычал Петрович из-под стола, – купили по дешевке, бляди!»

Мы бросились поднимать нашего дорогого Петровича, предвкушая, что это происшествие придется сегодня хорошенько отметить. Да... были времена... Эх!

А важнарь, между тем, всё бормочет: «...стартап.... бу-бу-бу... новые перспективы... бу-бу-бу... основные приоритеты... технологическое превосходство... бу-бу-бу».

Желание заржать усугубляется жестким и жестоким подавлением этого желанием. Я сижу, пытаюсь унять разъезжающиеся уголки рта, а начальник продолжает свою канитель:

«...франшиза... бу-бу-бу... рекредитование... бу-бу-бу... контролинг... бюджетирование...»

Я, вообще-то, обычно беру интервью не головой, а своим главным инструментом – представительным видом. Голова моя в этом деле участия не принимает. Я понимаю, что если мой главный и единственный инструмент во время интервью вдруг выйдет из строя, если меня разулыбит, случится катастрофа. Перевожу взгляд с собеседника на портрет Путина. Становится еще смешнее. Панически впиваюсь в чашку с чаем и допиваю одним глотком всё, что в ней осталось.

«Может быть, еще чайку?» – вдруг переходит на русский язык интервьюируемый. Я молча, не поднимая глаз, киваю головой. Ржака накрывает меня еще круче. Я боюсь пошевелиться.

А мой истязатель продолжает, как ни в чем не бывало:

«...модернизация... бу-бу-бу... госзаказ... бу-бу-бу... тендер... бу-бу-бу...»

В кабинет заходит рельефная брюнетка в обтягивающей миди и белой полурасстегнутой блузке. Плывет с подносом как лодочка. Начальник, у которого я беру интервью – серьезный человек. Он может позволить себе такую дорогую помощницу. Когда секретарша наклоняется, чтобы поставить передо мной новую чашечку, я проваливаюсь в омут её сногшибательных духов и с журналистской цепкостью впиваюсь взглядом в кружевной лифчик, открывшийся мне во всей своей красе. На крохотной бирочке в межгрудии написано Intimissimi. Кружева лифчика образованы из слов «Sex», «Love» и сердечек.

Вдохновленный, начинаю мечтать. Подлая ржака ослабевает свой стальной зажим. Наконец-то я поднимаю глаза и киваю собеседнику. Поправляю строгие, представительные очки. Я снова в форме.

«...конструктивные решения... бу-бу-бу... квартальная прибыль... бу-бу-бу... хорошие показатели продемонстрировали наши ритейлеры... бу-бу-бу... оптовые отгрузки несколько просели, но на общую картину показателей не повлияли... бу-бу-бу... кризисные тенденции продолжают проявляться, но мы научились...»

Диктофон пищит, рабочее время тикает, честно заработанные гроши капают на мой счет, мы с помощницей моего мучителя хохоча бежим по золотому песку тропического пляжа, чтобы погрузиться в пучину жарких чувств в тени, отбрасываемой листвой невысокой пальмы. Моя голова, наконец, нашла себе применение и угомонилась.

«...бу-бу-бу... подъем производства... бу-бу-бу... потенциальный рост... бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу...»